

ЧТО НАЗЫВАТЬ ЧУДОМ?

Адин Штейнзальц отвечает на вопросы Михаила Горелика

- Я хотел бы начать с анекдота. Пospорили два человека: существуют ли чудеса? Один говорит: "Если я прыгну с Эйфелевой башни и не разобьюсь, - разве это не чудо?" - "Нет, это случайность". - "А если прыгну второй раз и опять не разобьюсь?" - "О, это всего лишь совпадение!" - "Хорошо, а если в третий? Уж тогда-то чудо?!"

- Кажется, я знаю, что он ответил.

- ?

- Должно быть, он сказал: "Нет, это привычка!" - Верно! А вы как думаете, это чудо или привычка?

- Смотря что называть "чудом". Все ведь зависит от дефиниции. Я вам расскажу старый английский анекдот. Авторство приписывается Дизраэли.* Он задавал вопрос: "Чем отличается беда от катастрофы?" И сам же отвечал на него: "Если Гладстон** упадет с крыши парламента и не свернет себе шею, - это беда, но не катастрофа. Если же он свернет себе шею, - это катастрофа, но не беда".

- Могу вам рассказать структурно идентичный анекдот, правда, не английский, а советский. "Если корова упала в яму и переломала себе ноги, это беда, но не катастрофа. Если же самолет с Политбюро развалился в воздухе, это катастрофа, но не беда". Но мы отвлеклись от чуда.

- Слово "чудо" имеет на иврите эквиваленты с несколько разным смыслом. Например, слово "пеле" - это какое-то крайне маловероятное или совсем уж невероятное событие. Несмотря на эти определения, удивительные события, противоречащие нашим привычным ожиданиям, время от времени случаются и откладываются в человеческой памяти. А слово "нес" означает совсем иное: это тоже чудо, но чудо совсем иного рода - это знак Вс-вышнего человеку.

- Вы не могли бы привести какой-нибудь пример.

- Пожалуйста. Поскольку речь у нас сегодня постоянно заходит о падениях, я этот ряд и продолжу. Вот, допустим, падает с неба метеорит. Падает он, падает и вдруг за два метра от земли зависает в воздухе. Это модель "пеле". Сенсация немедленно падает на первые страницы всех газет, космический осколок, парящий в воздухе, демонстрируется по всем новостным программам ТВ - по некоторым,

даже предваряя глупости, которые говорят политики. Однако, обратите внимание, это невероятное событие ничего, в сущности, не значит, оно никак не влияет ни на чью жизнь. Висит себе? Ну и пускай висит! Теперь оставим все то же самое, правда, с одним существенным добавлением: метеорит зависает над чьей-то головой. Это уже послание конкретному человеку, который, казалось, был обречен получить небесную оплеуху, но почему-то не получил, - это "нес". Если Москва-река в районе Большого каменного моста вдруг расступится и обнажится донная дорожка, ведущая из Замоскворечья к Кремлю, - это "пеле".

- Могу себе представить: на мосту и у парапета набережной толпятся зеваки, телевидение снимает с церетелиевского колосса, кружат вертолеты, милиция безуспешно пытается ликвидировать чудовищную пробку от Александровского сада до Полянки.

- Что вы хотите: "пеле" всегда поражает воображение. Если же море расступается, чтобы дать возможность евреям выйти из Египта, - это "нес". В первом случае необычайное природное явление - не более того, во втором - знак евреям, знак египтянам, знак всему миру, читающему Библию.

- В вышедшей в СССР тридцать с лишним лет назад "Философской энциклопедии" есть статья "Чудо". Ее написал известный вам Сергей Аверинцев. Появление тогда этой статьи само по себе было чудом. Он тоже приводит пример с расступившимся морем. И рассматривает эту историю в рамках изложенной вами концепции: не то важно, что воды расступились ("пеле"), а то, что Вс-вышний сделал это ради евреев ("нес").

- Больше тридцати лет назад, вы говорите? Сергей Аверинцев знающий человек. Он участвует в одном нашем проекте по изданию классических еврейских текстов.

- С одной стороны, если следовать в русле ваших примеров, "нес" - это "пеле" плюс некоторое послание свыше. Или даже так: "пеле" как упаковка для "нес". Но, с другой стороны, для того, кто мыслит в такой системе координат, послание свыше совершенно необязательно требует чего-то сверхъестественного - оно ведь может быть передано и менее эффектным способом. И вообще,

при таком подходе, если отделить "пеле" от "нес", граница между чудесным и обыденным становится размыта и неопределенна.

- Вы правы, это действительно так: мир полон "нес" - надо только уметь эти чудеса видеть. Такое представление о чуде закреплено в нашей литургии. Трижды в день мы благодарим Вс-вышнего за "каждодневные чудеса" - за их постоянство и непрерывность. И здесь как раз используется слово "нес". Эти чудеса могут не бросаться в глаза, они могут быть лишены необычности, эффекта и драматизма, присутствующих "пеле", но от этого не становятся менее значимы.

- Вы говорите: "Надо уметь их видеть". И что же, все трижды в день благодарящие их действительно видят?

- Не все. Но те, у кого недостаточно острое зрение, все-таки знают, что такие чудеса есть, и что они заслуживают благодарности. Вот, например, книга Эстер. В истории о спасении еврейского народа от угрозы уничтожения, казалось бы, нет ничего чудесного. Вс-вышний не только не производит сверхъестественных вмешательств - Он вообще в этом тексте не упоминается,*** единственная такая книга во всей Библии. Все действия персонажей тщательно мотивированы, механизм действий подробно выписан. "Пеле" демонстративно отсутствует. Однако "нес" - нерв этой книги. Неупомянутый Вс-вышний невидимо стоит за происходящими событиями. Каждый отдельный элемент повествования объясним вполне естественными причинами, но единство и целостность сообщает всей картине именно "нес".

* Бенджамин Дизраэли (1804-1881) - неоднократно премьер-министр Великобритании, лидер консервативной партии.

** Уильям Юарт Гладстон (1809-1898) - неоднократно премьер-министр Великобритании, лидер либеральной партии.

*** Принятая в православном и католическом каноне версия Книги Эстер (Есфири) существенно больше еврейской, и Вс-вышний там упоминается.

Опубликовано в 42 выпуске "Мекор Хаим" за 2001 год.

Программа заочного еврейского образования "Лимудим" по эксклюзивной методике Института изучения иудаизма под руководством раввина А. Штейнзальца

Курсы академического уровня, учеба в индивидуальном темпе:

- "Тора - имена и судьбы"
- "Пророки о падении и возрождении Иерусалима"
- "Агада в Вавилонском Талмуде"
- "От Иешуа до Шломо"

Всем принятым на учебу высылаются учебные пособия, разработанные институтом, а также предоставляется всем желающим широкий выбор учебных материалов на нашем сайте: www.judaicaru.org

Институт изучения иудаизма в СНГ Москва 109240 а/я 44

Телефон: (095) 9153165, факс: (095) 9153161 e-mail: lamed@judaicaru.org

Светлой памяти моего отца Гирша Цвибеля

ЕВРЕЙСКАЯ ДОМИНАНТА ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА

Введение. Шостакович и его время.

Жизнь и судьба Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, великого русского композитора, является собой пример духовного подвига, пример противостояния своим творческим тоталитарному режиму. Годы его жизни совпали с переломным моментом в истории России, когда Россия искала новый путь своего развития, когда рушилось старое, а на смену пришел режим, оказавшийся гораздо страшнее прежнего. Большевики, захватившие власть, показали, что небольшая группа людей, подменивших мораль своей идеологией, могут подчинить себе целые народы, направить их по пути, который считают для себя правильным, не принимая во внимание такие понятия, как гуманизм и человечность. Для этого нужно было сделать так, чтобы все сферы жизни были под контролем и управляемы. Чтобы человек не мог выражать свое мнение и даже, что является логичной конечной целью в этой системе координат, не мог думать по-своему. Хотя, как сказал русский писатель Максим Горький: "Человеку очень нужна свобода, и в свободе думать по-своему он нуждается больше, чем в свободе передвижения". (Сам Горький, обласканный и возвеличенный Сталиным, но, очевидно, не оправдавший возлагавшихся на него надежды, умер в 1936 году при невыясненных до конца обстоятельствах).

Для достижения своих целей большевики выработали целую систему мер как карательных, так и превентивных, направленных на искоренение самой идеи свободы вне рамок данной системы. Государству были подчинены все стороны жизни, включая самые интимные, для чего существовала тотальная система слежки, доносов, воспитания и перевоспитания, ужасающая карательная система. То, что произошло в России, оказало решающее влияние на ход мировой истории всего двадцатого века. Впоследствии многие тоталитарные режимы, возникшие в XX веке, копировали основные "достижения" советской системы, тем более, что большинство из них были созданы при помощи, или, по крайней мере, при сочувствии и поддержке их "старшего брата".

В СССР существовали определенные шаблоны, по которым художники должны были создавать свои произведения. Необходимым условием был "оптимистический" настрой, или, в крайнем случае, благополучный "жизнеутверждающий" финал. Появился даже термин "социалистический реализм" в области искусства, и все, что объявлялось не соответствующим ему (а решали это "руководящие кадры", ставленники режима, марионетки, доказавшие своим поведением полную лояльность и преданность ему, или даже сами правители), подвергалось запрету, а их авторы - различным карательным мерам: от публичных оскорблений, лишения возможности творить, до тюремного заключения или смертной казни. Причем, произведения, которые уже были как бы дозволенными самими властями, могли быть объявлены "антинародными" и задним числом, все зависело от настоящего момента, или просто случая (как и было с оперой Шостаковича "Леди Макбет Мценского уезда"). Власть подозрительно относилась к непрограммной музыке или произведениям искусства, интерпретация которых позволяла неоднозначное их толкование. Перед каждым публичным исполнением произведения, даже опубликованного, надо было получить разрешение от цензора, а если существовал текст, то и он должен был быть представлен на утверждение. По этой причине любое "беспредметное" искусство не принималось в принципе, а от авторов требовали расшифровки их замыслов, объяснений, что они "хотели сказать своим произведением". Это важно учитывать, так как без этого не понятны многие публичные высказывания, с которыми, зачастую, вынуждены были выступать творцы, чтобы спасти свои произведения от запретов, или, того хуже, от прямых преследований.

Были темы, которые вообще запрещалось использовать в творчестве: например, все, что связано с религией (естественно, если это не хула или осмеяние ее), со Святыми книгами; упоминание исторических персонажей, не санкционированных властями; исторические темы можно было отображать только в официальной интерпретации, причем это касалось событий, произошедших не только в недалеком прошлом, но и в незапамятные времена. Для этого надо было получить специальное разрешение. (Даже опера М.И. Глинки "Жизнь за царя" стала "Иваном Сусаниным", где отряд поляков не знает дороги на Москву!)

Нельзя было исполнять, уже не говоря об изучении или преподавании, произведений авторов, уехавших из России. Переводные книги выходили с такими купюрами, что, зачастую, терялся весь их смысл. При этом на обороте титульного листа писалось: "Книга выходит с сокращениями, не представляющими интереса для советского читателя". Они, власть имущие, естественно, знали, что представляет интерес для советского читателя, а что нет! (Как курьез, можно отметить двухтомную монографию Софьи Хентовой о Шостаковиче, вышедшую в 1986 году с достаточно подробным жизнеописанием и хронографом жизни, виртуозно умалчивающую о существовании сына Максима (!), так как он в апреле 1981 года, еще до издания книги, бежал на Запад). Были прерваны всяческие связи с художниками, живущими за границами советской империи, если они активно не поддерживали советский режим. Их творческие достижения долгие годы оставались неизвестными, и лишь немногие, ими созданные, всякими окольными путями пробивалось сквозь заслон.

Фактически под запретом была и еврейская тема. Власть время от времени устраивала антисемитские кампании под видом борьбы с "вредителями", "безродными космополитами", "морганистами-вейцманистами", "врачами-убийцами", "сионистами", которые "случайно", конечно, оказывались евреями. По радио можно было услышать таджикские, украинские, бурятские, удмуртские, татарские и любые другие песни, кроме ... еврейских! А 12 августа 1952 года были расстреляны крупнейшие еврейские деятели литературы, писавшие на идиш. Подобных примеров можно привести сколь угодно много.

Лишь очень немногие смогли противостоять такому порядку вещей. Лишь немногим удалось не "сломаться", не власть в соблазн поставить свой талант на службу режиму, не быть просто физически уничтоженными. Каждый находил свой неповторимый путь, у каждого это протекало индивидуально, у каждого были свои вынужденные компромиссы, каждый определял для себя ту черту, которую уже не мог пересечь. Положение усугублялось тем, что неоткуда было ждать хотя бы моральной поддержки, можно было полагаться только на себя. Многие произведения искусства писались "в стол", дожидаясь своего часа. Никто не в состоянии определить сегодня, какой урон нанесен отечественной и мировой культуре, сколько произведений погибло, сколько вообще не было создано. И даже опубликованные впоследствии произведения не сыграли той роли, какую могли бы сыграть, появившись они в свое время, питая творческую фантазию современников. Можно попытаться представить себе, что было бы, если, например, Пятая симфония Бетховена стала известна только через двадцать пять лет после написания. (Можно провести аналогию с Четвертой симфонией Шостаковича, созданной в 1936 и исполненной в 1961).

Проблема изучения, возможности понять, что происходило на самом деле, что думали, или хотели сказать, кем были те художники, попавшие в подобную ситуацию, достаточно сложна и, по всей видимости, не может быть решена до конца. Судить, в какой-то мере, можно только по тому, что было ими создано. Хотя и тут надо быть осторожным, так как, зачастую, им приходилось делать то, от чего, при первой же возможности, старались отказаться. Можно вспомнить оду Сталину Мандельштама, "Здравцу", "Расцветай, могучий край", "На страже мира" Прокофьева, или "Над Родиной нашей солнце сияет" и "Песнь о лесе" Шостаковича и многое другое.

В литературе о Шостаковиче, особенно написанной на Западе, время от времени можно встретить утверждения, что Шостакович - официальный композитор, "прислужник режима", даже "трус" и т.п. (Конечно, хорошо, наверное, быть смелым, если тебе за это ничего не грозит). Многие соотечественники - современники Шостаковича также придерживаются похожего мнения. По всей видимости, их вводят в заблуждение всевозможные выступления, заявления, публикации композитора в печати. Проще говоря, критики Шостаковича "политически" не принимают его личности, считая, что он должен был открыто противостоять режиму. И это отношение интерполируется на его музыку, мешая понять всю ее глубину, неоднозначность, величие, ее непреходящую ценность. Такие люди просто плохо знакомы с творчеством Шостаковича, его личностью, не берут на себя труд глубже вникнуть в особенности его музыкального мышления, разоб-

раться в мотивах и обстоятельствах появления того или иного "публичного высказывания", или произведения. (Есть свидетельства близких друзей Шостаковича, что после 1936 года он сам не писал статей и своих выступлений, а только подписывал уже написанное за него.)

А ведь его современники хорошо должны бы, какжется, понимать, что такое был объявленным "антинародным композитором" или "формалистом"; что не мог Шостакович отказаться от "предложения" написать музыку к кинофильму "Падение Берлина", фильма, возвеличивающего Сталина, и должны были бы понимать еще многое, что очень трудно, а зачастую, просто невозможно объяснить людям, не пережившим всего этого. Даже опубликование Соломоном Волковым книги "Свидетельство. Мемуары Д.Д. Шостаковича" многих не убедило в обратном, и не смолкает разговоры о ее подлинности (эта книга до сих пор даже не вышла на языке оригинала). Но ведь не просто же так на премьере Тринадцатого квартета Шостаковича люди встали и стоя **прослушали полное его повторение!** Значит, эта музыка выразила то, что было в самых глубинах души человеческой! Тут можно вспомнить слова Библии: "Музыка достигает наибольшей власти между людьми, которые не могут или не смеют высказывать своих суждений". Именно этой властью и обладала музыка Шостаковича, в те страшные времена помогая людям выжить, оставаясь людьми, вопреки той власти, которая, казалось бы, поглотила все, навсегда втоптала в грязь все человеческое. Но, как сказала Надежда Мандельштам: "... в полуобезумевшей, притихшей толпе всегда отыщется свидетель".

В таких условиях приходилось жить и творить. Тем величественнее тот подвиг, имя которому - Дмитрий Шостакович! Всю жизнь находясь на грани жизни и смерти, он сумел остаться верен себе, своему творчеству, сумел создать свой неповторимый музыкальный мир. Как пронзительно звучит признание, которое он произнес, говоря о своей Четырнадцатой симфонии, после написания которой признал ее лучшим своим произведением:

"Тюремные камеры - страшные норы. Люди ждут. Можно с ума сойти от страха. Многие не выдерживают напряжения. Я знаю об этом. Ожидание казни - одна из тем, которые меня мучили всю жизнь. Многие страницы моей музыки про это. Талантливый исполнитель должен это почувствовать".

Остается вслушиваться в его музыку, сопоставлять даты ее написания с тем, что происходило вокруг, и на этом пути, как мне представляется, возможны интересные открытия. Хотя, и это необходимо подчеркнуть, его музыка имеет непреходящую ценность сама по себе, и дополнительная информация может только пролить свет на сам процесс создания произведения, помочь понять те или иные приоритеты в его творчестве, глубже почувствовать не только трагедию Художника, но и его высокую миссию в тоталитарном обществе.

Литература о Шостаковиче огромна и разнообразна - от серьезного разбора буквально по тактам почти каждого его произведения, до личных воспоминаний о случайных встречах или одиночных письмах. Каждый, обращающийся к этой поистине гигантской фигуре, прежде всего, определяет свое отношение к этому явлению, определяет свое место в системе человеческих ценностей. Имя Шостаковича стало символом, причем этот символ, как это не прозвучит парадоксально, может быть совершенно разным - все зависит от "угла зрения". Это только подчеркивает значение его творчества и личности в истории культуры России и мировой культуры XX века.

Дмитрий Цвибель

В этом номере газеты редакция начинает публикацию фрагментов работы Д.Цвибеля "Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича" (см. 4 полосу газеты). Это именно фрагменты, а не переработанный газетный вариант. Из-за небольшого формата газетного листа убраны ссылки на источники цитирования, комментарии и приложения (полностью работа занимает 93 страницы). Наша цель - познакомить читателя с основными идеями, проблематикой темы, дать общее представление о работе.

ЕВРЕЙСКИЙ ПЕЧАЛЬНИК

Это кто еврейский печальник? Илья Эренбург? Да, тот самый Эренбург, который не знал языка идиш и ничему еврейскому никогда не учился, хотя родился очень давно, в 1891 году. Тот самый Илья Эренбург, который с восемнадцати лет долго жил во Франции. И позднее с перерывами подолгу жил во Франции и других местах Европы. В молодости начинал как поэт, а в начале 20-х годов прославился романом "Хулио Хуренито". Весь мир его знал по публицистическим статьям. Был он тонким эстетом и ценителем живописи. Дружил с Пикассо, Модильяни, Марке, Кончаловским и многими-многими другими художниками.

И этот эстет первый понял, что такое фашизм. В середине 30-х годов на небольшом грузовичке ездил в Испании с кинопередвижкой по фронтам борющейся с фашизмом республиканской армии и демонстрировал один только фильм "Чапаев". Бойцы республиканской армии горячо принимали этот замечательный фильм. Эренбург не мог показывать им последние кадры фильма, где Чапаев гибнет, - им, которые должны были идти в бой.

Самыми главными годами Ильи Эренбурга стало время Великой Отечественной войны. Более полутора тысяч (!) статей и памфлетов написано им за четыре года войны. Почти каждый день они появлялись в газетах. Тогда я старался раньше отца прочитать Эренбурга. А было мне лет двенадцать. Писатель гордился, что в партизанских отрядах отдавали такой приказ: газеты можно пускать на раскурку, кроме статьи Эренбурга...

А сам Эренбург в то время по ночам с удовольствием слушал, как по радио беспомощно гитлеровская пропагандистская машина пыталась бороться с пламенным антифашистским словом писателя.

Эти строки были написаны в победном 1945 году:

Умру - вы вспомните газетный шорох,
Ужасный год, который всем нам дорог...

А в эти ужасные годы войны Эренбург вместе с Василием Гроссманом составили "Черную книгу" - первую книгу о Холокосте, но посреди сталинского режима ее невозможно было опубликовать.

Первая половина 60-х годов прошла для меня под знаком огромной мемуарной книги Ильи Эренбурга "Люди. Годы. Жизнь", печатавшейся по частям в незабываемом журнале Твардовского "Новый мир". Я, понятно, пристрастный человек, очень пристрастный читатель. Но не один я так нетерпеливо ждал очередную часть мемуаров Эренбурга. Мне рассказывала московская поэтесса Нина Бялосинская, как они, московские литераторы, кто хоть кого-нибудь знал в редакции "Нового мира", бегали в журнал, чтобы в гранках прочитать воспоминания Эренбурга о Пастернаке, которого еще совсем недавно травлили и изничтожали. Не верили, что страницы о Пастернаке будут напечатаны.

И всё это долгие годы и десятилетия заслоняло от многих из нас Эренбурга-поэта. А публицистика, даже самая талантливая, очень быстро стареет. И вот уже более тридцати пяти лет нет Ильи Григорьевича, и мы понемногу стали понимать, какой это, помимо всего прочего, был поэт.

Вот его очень раннее, очень давнее стихотворение:

Евреем, с вами жить не в силах,
Чуждаясь, ненавижу вас,
В скитаньях долгих и унылых
Я прихожу к вам всякий раз.

Во мне рождает изумление
И ваша стойкость и терпение,
И необычная судьба,
Судьба скитальца и раба.

Отравлен я еврейской кровью,
И где-то в сумрачной глуши
Моей блуждающей души
Я к вам таю любовь сыновью,

И в час унылый, в час скорбей,
Я чувствую, что я еврей!

Это очень искреннее, но не сильное стихотворение юного поэта. А впереди были три страшные войны в жизни Ильи Эренбурга: Первая мировая, когда он был корреспондентом одной российской газеты на франко-германском фронте и уже упоминаемые мной война в Испании и Великая Отечественная.

Дай оглянуться - там мои могилы,
Разведка боем, молодость моя!..

Эти строки не только о войне, не только о разведке боем, но и о судьбе человека, о судьбе его поколения.

А фашизм шел по планете. Эренбург, корреспондент газеты "Известия", был в Париже, когда туда вошли гитлеровские войска. Он возвращался в Москву через оккупированную гитлеровцами Западную Европу, через саму Германию. Через фашистскую Германию? Да. Не забудем, что уже был заключен союз с Германией в 1939 году, так называемый пакт Молотова-Риббентропа. И остряки называли новоявленных союзников заклятыми друзьями...

Где-то на улице оккупированного гитлеровцами Парижа, увидев в шедшем Эренбурге немолодого еврея, эсэсовский офицер толкнул его. Илья Григорьевич достал красный советский паспорт - и офицер вынужден был вежливо извиниться. Это, наверно, единственный факт положительного действия кратковременного союза СССР с гитлеровской Германией.

В январе 1941 года, за полгода до Великой Отечественной Эренбург написал, наверно, самое лучшее и самое страшное свое стихотворение:

Бродят Рахели, Хаимы, Лим,
Как прокаженные, полуживые,
Камни их травят, слепы и глухи,
Бродят, разувшись пред смертью, старухи,
Бродят младенцы, разбужены ночью,
Гонит их сон, земля их не хочет.
Горе, открылась старая рана,
Мать мою звали по имени - Хана.

Об этом же Эренбург напишет и посреди войны, в 1943 году.

Запомни этот ров. Ты всё узнал:
И города сожженного оскал,
И черный рот убитого младенца,
И ржавое от крови полотенец.
Молчи - словами не смягчить беды.
Ты хочешь пить, но не ищи воды.
Тебе даны не воск, не мрамор. Помни -
Ты в мире всех бродяг бездомней.
Не обольстись цветком: и он в крови.
Ты видел всё. Запомни и живи.

А это стихотворение написано в 1944 году.

В это гетто люди не придут.
Люди были где-то. Ямы тут.
Где-то и теперь несутся дни.
Ты не жди ответа - мы одни,
Потому что у тебя беда,
Потому что на тебе звезда,
Потому что твой отец другой,
Потому что у других покой.

Есть страницы в книге Ильи Эренбурга "Люди. Годы. Жизнь", которые я никогда не забуду. Это Эренбург мне рассказал об обращении поэта Юлиана Тувима, которое он написал в 1944 году. У Эренбурга я впервые прочитал эти потрясающие душу слова:

"Бывает двоякая кровь: та, что течет в жилах, и та, что течет из жил. Первая - это сок тела, ее исследование - дело физиолога. Тот, кто приписывает этой крови какие-то свойства, помимо физиологических, тот, как мы видим, превращает города в развалины, убивает миллионы людей... Другая кровь - это та, которую главарь междуна-

родного фашизма выкачивает из человечества, чтобы доказать превосходство своей крови над моей, над кровью замученных миллионов людей... Кровь евреев (не "еврейская кровь") течет глубокими, широкими ручьями; почерневшие потоки сливаются в бурную, вспененную реку... Мы, Шлоймы, Срули, Мокши, пархатые, чесночные, мы, со множеством обидных прозвищ, мы показали себя достойными Ахиллов, Ричардов Львиное Сердце и прочих героев. Мы в катакомбах и бункерах Варшавы, в зловонных трубах канализации давили наших соседей - крыс. Мы, с ружьями на баррикадах, мы, под самолетами, которые бомбили наши убогие дома, мы были солдатами свободы и чести. "Арончик, ты же не на фронте?" Он был на фронте, милостивые паны..."

И Эренбург говорит: "Эти слова, написанные кровью, "той, что течет из жил", переписывали тысячи людей. Я прочитал их в 1944 году и долго не мог ни с кем говорить: слова Тувима были той клятвой и тем проклятием, которые жили у многих в сердце".

В том обращении Юлиан Тувим первый сказал, что "антисемитизм - международный язык фашизма".

А все это я вспомнил и написал потому, что меня взволновало стихотворение Бориса Слуцкого, которое приводит в своих воспоминаниях Бенедикт Сарнов в 12 номере журнала "Лехаим" за 2003 год. Вот это стихотворение:

Было много жалости и горечи.
Это не поднимет, не разбудит.
Скучно будет без Ильи Григорьяна.
Тихо будет.
Необычно расшумелись похороны:
давка, драка.
Это всё прошло, а прахам поровну
выдается тишины и мрака.

Как народ, рвалась интеллигенция.
Старики, как молодые,
Выстояли очередь на Герцена.
мимо гроба тихо проходили.

Эту свалку, эти дебри
Выиграл, конечно, он вчистую.
Усмехнулся, если поглядеть бы
ту толпу горючую, густую.
Эти искаженные отчаяньем
старые и молодые лица,
что пришли к еврейскому печальнику,
справедливицу и нетерпеливицу,

что пришли к писателю прошений
за униженных и оскорбленных.
Так он, лежа в саванах, в пеленах,
Выиграл последнее сражение.

Очень трудно писать о самом страшном в жизни Ильи Эренбурга - о том, что он много знал и много понимал и при этом вынужден был держать душу зажатой. Эта драма, эта трагедия еще ждет своего неторопливого и подробного летописца. Если всё это не забывать, если всё это хорошо помнить, то вот эти стихи Эренбурга становятся понятными:

Додумать не дай, оборви, молю, этот голос,
Чтоб память распалась, чтоб та тоска расколослась,
Чтоб люди шутили, чтоб больше шуток и шума,
Чтоб, вспомнив, вскочить, себя оборвать, не додумать,
Чтоб жить без просыпу, как пьяный, залпом и на пол,
Чтоб тикали ночью часы, чтоб кран этот капал,
Чтоб капля за каплей, чтоб цифры, рифмы, чтоб что-то,
Какая-то видимость точной, срочной работы,
Чтоб выстоять смерть, чтоб штыком - под бомбы, под пули,

Не дай доглядеть, окажи, молю, эту милость,
Не видеть, не вспомнить, что с нами в жизни случилось.

Вот такая судьба была у этого еврейского печальника - у Ильи Григорьевича Эренбурга.

Иосиф Гин

ОБЩИННАЯ МОЗАИКА

Активно продолжает действовать общинный молодежный клуб, недавно получивший название "Мазаль" (Счастье). Возглавляет его Маша Ицковская - недавняя выпускница Петрозаводского Педагогического университета. Поскольку нет своего постоянного помещения, собираются ребята в Центре национальных культур. Там проводятся Шаббаты, празднуются праздники, организуются различные встречи и мероприятия. Несколько раз участники клуба выезжали на пикники за город, на турбазу.

Члены молодежного клуба постоянно принимают участие в семинарах, проводящихся в разных городах России, и принимали у себя гостей из Пскова, Мурманска, Санкт-Петербурга, Израиля. Это и место, где можно познакомиться со своими сверстниками.

Нововведение клуба - встречи с Людмилой Гринберг, представителем Израильского Культурного Центра в Петрозаводске, которая делает еженедельные обзоры различных аспектов жизни Израиля. Эта тема обсуждается со всем жаром и пылом, причем дискуссии, как правило, выходят за рамки разбираемой темы.

Координатор Еврейского Агентства в России Ольга Харина информирует, что за прошедший год из Петрозаводска репатририровались 25 человек, и приглашает записываться на молодежные программы Агентства Наале, Села-Така (от 17 до 26 лет), позволяющие учащимся продолжить образование в израильских школах, колледжах, вузах. Международные программы Таглит и Морешет знакомят молодых людей с жизнью Израиля, его достопримечательностями, историей,

культурой. А на программе Сар-Эль, предназначенной для людей от 17 до 60 лет, можно оказать свою помощь Армии Обороны Израиля, поработав на волонтерских началах на военных базах, а затем поехать по стране. При представительстве Агентства работает ульпан, где можно изучать иврит, такой древний и такой молодой.

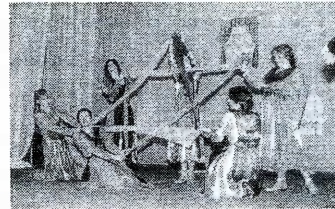
В Петрозаводске начало работу Представительство Санкт-Петербургского Израильского Культурного Центра (координатор - Дмитрий Цвибель). Его задача - распространение достоверной информации об Израиле. Причем информации разносторонней: это и история сионистского движения, и история создания государства, сегодняшняя политика и жизнь, современная культура и внутренние проблемы и т.п. Также консультационная помощь тем, кто собирается репатририроваться, но у кого возникают проблемы с документами.

Будем надеяться, что новое образование естественно впишется в еврейскую жизнь города и республики.

Хэсэд Агамим обживает новое помещение, расположенное на Кукковке (Балтийская 41). И хотя существуют некоторые проблемы, продолжают действовать все прежние программы. Директор Хэсэда Дмитрий Генделев говорит: "В этом году расширится помощь по так называемому "Швейцарскому фонду", предназначенная для евреев, пострадавших от фашистских преследований. Хочется надеяться, что не очень удобное местоположение Хэсэда не отразится на его деятельности, и люди так же актив-

но будут посещать всевозможные программы и мероприятия, своим участием в жизни общины поддержат атмосферу уюта и доброжелательности этого теплого дома".

Общество еврейской культуры Шалом - первая еврейская организация в Петрозаводске, появившаяся во времена "перестройки" 14 лет назад, заметно помолодела: она приняла от Хэсэда Агамим программу "Мазл тов". Это программа рассчитана на работу с молодыми родителями и детьми. Александр Модылевский, председатель общества, считает эту работу очень важной, ибо именно в детском возрасте формируется сознание, мировоззрение будущего человека. Заинтересовать их традициями, историей, культурой своего народа - задача, которую призвана решать эта программа. Еще в планах общества - создание клезмерского ансамбля, и сейчас объявлен конкурс на место руководителя. Также заботой общества является танцевальный ансамбль "Авив" (руководитель Наталья Кузьменко), который активно работает и сейчас готовится к поездкам в Москву и Казань. Существуют разные возрастные группы ансамбля, и все, кто хочет попробовать себя в искусстве еврейского танца, приглашаются на репетиции.

Религиозная община выпустила очередную брошюру, уже седьмую, из серии "Библиотечка газеты "Общинный вестник". Это сборник "Невыдуманные рассказы" Залмана Каппаровского. Написанные талантливым

человеком, в большинстве своем носящие автобиографический характер, эти рассказы повествуют о жизни, нелегких судьбах поколения, пережившего и Войну, и "борьбу с космополитами", и сталинские лагеря, и "изобилие" и еще многое, что было ему отпущено судьбой. Этой книжкой наша община вносит свой вклад в общую историю евреев России ушедшего XX века.

Успешной защитой проекта "Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича в Иерусалимском университете, закончил обучение по программе "Мелтон" Дмитрий Цвибель, председатель религиозной общины. Вот что говорится в аннотации к проекту: "Данная работа ставит своей целью попытаться понять, почему в творчестве Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, великого русского композитора, такое непропорционально большое место занимает еврейская тематика. Что привлекло его, или скорее, что заставляло его творческую фантазию вновь и вновь обращаться к еврейским музыкальным образам, к еврейской теме вообще, которая была под негласным запретом в Советском Союзе?" Как говорит сам автор: "В процессе работы над проектом я был удивлен количеством серьезных разработок в этом направлении на Западе и попытаться использовать их в своей работе. Широко представлены и материалы, появившиеся уже в самое последнее время, и которые раньше были недоступны исследователям творчества Шостаковича".

Наша кухня

Пирог Ту би-Шват

Абрикосы (сушеные) - 400г; яблоки (сушеные) - 100г; изюм - 150г; апельсиновый ликер - 1/4 стакана; бренди - 1/4 стакана; красное сухое вино - 1/2 стакана; засахаренные грецкие орехи - 150г; грецкие орехи - 250г; очищенный миндаль - 100г; кедровые орешки - 100г; мука - 2.5 стакана; сахар - 1 стакан; корица - 1 ч.л.; гвоздика - 1/2 ч.л.; яйцо - 8 шт.; апельсин - 1 шт.; лимон - 1 шт.

Разогрейте духовку до средней температуры, смажьте форму. Залейте сухофрукты напитками и оставьте на 20 мин. Добавьте орехи и перемешайте. Отложите 2 стакана смеси для украшения пирога. Смешайте муку, сахар, корицу и гвоздику и соедините с фруктами. Отдельно взбейте яйца и влейте туда же. Добавьте измельченную цедру и сок апельсина, цедру лимона и всё смешайте. Выложите тесто в форму и уложите сверху отложенные орехи и фрукты. Прикройте неплотно фольгой. Выпекайте на среднем огне 40 минут. снимите фольгу и оставьте в духовке ещё на 20 мин. Остудите его, не вынимая из формы.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

ЧУДЕСА НЕЛЬЗЯ ПРИВОДИТЬ В ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Талмуд

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ
БЕЙЛИНУ Марию Васильевну
ГОРНУЮ Виулену Арнольдовну
МИРОНОВУ Анну Константиновну
ПОЛОНСКУЮ Инну Владимировну
КАПАРОВСКОГО Гершена Лейбовича
МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!**

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община 185035 г. Петрозаводск, а/я 360, тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редакторы: Давид Генделев Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой "Принт", 185035 Петрозаводск, ул. Гоголя, 28, каб. 12, тел. 78-20-18, факс 78-12-26 Тираж 300 экз.